

ВИКТОР ПАСТУХОВ

НО КАК НАМ НУЖЕН КОРЕНЬ ЖИЗНИ

РУССКАЯ ТРОПА

Бежит тропинка озорно
с пригорка в яму
за хутор, брошенный давно,
за пилораму.
Через бревенчатый мосток,
где скобы ржавы.
Через овраг наискосок,
до переправы.

Любого пешего спроси,
кто ходом прыток, —
таких тропинок по Руси,
что в пряже ниток.
Из-за вкраплённости людской,
по нищете ли?
А может, сами мы такой
страны хотели.

То бездорожье, то тропа
нам вяжет петли.

ПАСТУХОВ Виктор родился в Приморье. Окончил электротехнический институт. Преподаёт автоматизацию энергосистем. Публиковался в журнале "Наш современник" и в альманахе "Литературный Владивосток". Автор трёх стихотворных книг. Живёт и работает во Владивостоке.

Как сетка, путана судьба.
К утру успеть ли?
Не всякий в силах дотерпеть,
бредя упрямо
до переправы по тропе,
а там — до храма.

* * *

Смеётся день, а комната, как склеп.
На ложе — тело мумиеподобно,
но живо. Неразборчиво и злобно
оно бубнит. Блевотина и хлеб,
окурки и раскатанные кегли
пустых бутылок — всё даёт настой
на спирте с передержанной мочой,
как будто в стоки госпиталя свергли.

Ты кто? Подземный гоблин? Человек ли?
Ты кто? Мой брат или родная дочь,
что корчится от всосанного пойла
полубезумно и почти бесполо?
И выбор — прочь бежать или помочь? —
мне катит спазмы, как шары, под горло...

“Шары” и “кегли”, “змий” на дне в стакане,
как будто мы в бесовском кегельбане.

А может быть, ты сын своей страны,
мой брат-близнец и спуд моей вины
за всё моё беспутье и шаманство,
за ровное дыханье и враньё,
за всё благополучие моё,
когда страну мутит и рвёт от пьянства?

Мы — братья по беде, по кандалам,
которые уже отлиты там,
куда нас тянет эскалатор ада.
Вопят его загонщики — и надо
скорей на воздух выбираться нам.

Ты ранен, брат! На нас идёт охота.
И только вместе, только против хода
ступенек и обманчивых перил,
без оправданий, на пределе сил
карабкаться наверх без остановки
к живому смеху, к детским голосам.
Ты ранен, брат, но встать обязан сам!
А руку протяну я для страховки...

ИНВАЛИДЫ

1

Жил в нашем доме инвалид
на костылях, поздней — в коляске.
Врач хмурился, а мать повязки
меняла и тянула быт.

Юнцы, не нюхавшие порох,
они держали правый фланг
в шинельках на худых телах,
когда мороз пальнул за сорок.

Всю ночь в окопе без движенья
прождал атаки взвод солдат.
А в результате — медсанбат
с диагнозом: обморожение.
Из-под Москвы — в глубокий тыл.
Но тот окоп не отпустил.

Отныне скальпель — враг и друг.
Он, тяготея к резким мерам,
из года в год по сантиметрам
кромсал культяшки ног и рук
по следу костных разложений,
но после кратких погружений
в наркоз опять всплывала боль.
И каждый день, как первый бой,
как подвиг без наград и славы.
И далеко до переправы.
И пусто поле за тобой...

2

Тот инвалид давно в гробу,
но почему его судьбу
в родном селе я вспоминаю,
где не был вот уж тридцать лет?
И здесь оставил скальпель след.
Деревня умирает с краю.
Я вижу улицы — культы.
На них, как пятна нагноений,
остатки брошенных строений
и травы — грядок не найти.
Всё дальше, чуть не целый день
бреду по тропкам и болотцам
к давно заваленным колодцам,
во двор, откуда на женьшень*
нас вёл двоюродной оравой
мой дядька, словно атаман,
в тайгу, что сопками к домам
скатилась многоствольной лавой.

Вчистую вырезан кедрач,
и дуб, и бархат — плачь, не плачь,
но как нам нужен корень жизни,
чтобы помочь больной Отчизне,
деревне, что без рук и ног
в пыли полей, в грязи дорог
напоминает инвалида,
того, что резала война,
и неспроста сейчас видна
в глазах селян его обида
и наша общая вина.

Заготовка женьшеня (корня жизни) — один из экзотических и весьма доходных промыслов в Приморском крае (*прим. авт.*).

ЗИМА

В деревенском пятистенке
печь, иконы и подвал,
где у деда на коленке
я вопросы задавал:
“А зачем нам столько лука?
Эти бочки, банки, мед?”

Дед с усмешкой молвил глухо:
“У зимы большое брюхо.
Все припасы подберёт.
Все соленья и компоты.
Всякий овощ, дикорос.
Потому — полно заботы:
грядки, пасека, покос.
Если будешь ты лениться
и мешать в работе мне,
то сожрёт зима-волчица
самого тебя к весне!”

Дальше слушал я вполуха
и со страхом представлял,
как придёт зима-старуха,
у которой волчье брюхо
и чудовищный оскал.
Я представил злые глазки.
Где уж тут держать в уме
банки, луковые связки
и все бабушкины сказки
о красавице-зиме.